

Чи Нин тут же задал ключевой вопрос:

"И кому же подыскивают пару?"

"Наследнику сиятельного князя Цзина", — отозвался Господин Юань.

Чи Нин понимающе кивнул. Единственный сын князя Цзина и впрямь вошёл в ту пору зрелости, когда юношам пора обзаводиться семьями.

На это дело следовало взглянуть с двух сторон. С одной — Великая Ци славилась весьма причудливыми обычаями выбора супругов для членов августейшей семьи, продиктованными священными заветами предков. С другой — фигурой самого князя Цзина.

И в правилах выбора невест, и в делах влиятельного князя таились такие омуты, что неосторожный шаг грозил катастрофой. Здесь тесно сплелись и едва укрепившаяся власть молодого императора, и воля вдовствующей императрицы Юцинь. Новому государю приходилось балансировать на лезвии ножа: нельзя чрезмерно возвышать Цзина, дабы не подать ложных надежд смутьянам, но и гневить его опасно. Довести дело до открытого мятежа из-за сватовства — глупее и не придумаешь.

Словом, задача эта походила на раскалённый уголь. Мало кто из придворных евнухов отважился бы за неё взяться. К тому же посланник не должен был носить явное клеймо верного слуги нового императора или слыть перебежчиком, едва успевшим переметнуться на его сторону.

"Не то чтобы мир сошёлся на мне клином, но лучшего кандидата им не сыскать", — мгновенно сообразил Чи Нин.

Он задумчиво постукивал пальцами по столу, взвешивая все за и против. Князь Цзин хоть и не был родным сыном вдовствующей императрицы, однако именно она его вырастила. Чи Нина же, в силу весьма запутанных придворных интриг прошлого, вполне можно было назвать её ставленником. Пусть и наполовину.

Выходило следующее: коли дело выгорит, довольны останутся все. А если провалится... что ж, новому государю и его свите не придётся оправдываться и принимать удар на себя.

Чи Нин резко поднялся, не обращая внимания на недоумение застывших слуг. Прижав к себе драгоценный кусок чёрного дерева, он принялся мерить комнату шагами.

"Вернуть меня из опалы, куда я загремел из-за дела моего покойного наставника, — это искусный ход со стороны Его Величества. Он прощупывает почву, пытается растопить лёд во взаимоотношениях с матушкой".

Сумеют ли эти двое, связанные лишь показной сыновней почтительностью и борьбой за власть, прийти к миру, зависело теперь исключительно от того, примет ли почтенная владычица брошенный вызов.

Впрочем, о чём грезили великие мира сего, объявят ли они войну или заключат мир, Чи Нина сейчас мало заботило. В его голове зрел иной расчёт:

"Коли я доведу это сватовство до ума, то не только ублажу вдовствующую императрицу и избавлю государя от головной боли, но и заслужу благоволение супруги князя Цзина, а заодно и его будущей невестки".

Выгода со всех сторон. Надо брать быка за рога!

"Гляди, как бы не вышло иначе, и ты не разгневал всех троих сразу", — предостерёг его Господин Юань.

Лавировать между столь грозными силами — всё равно что неверному любовнику метаться от одной девицы к другой: рано или поздно лодка непременно перевернётся.

Однако нашего прохвоста подобные угрозы не смутили. Твёрдо вознамерившись идти до конца, он сладко запел:

"С вашей милостивой поддержкой я уподоблюсь тигру, обретшему крылья. Если уж с таким заступником я умудрюсь всё погубить, значит, туда мне и дорога, и жалости я не достоин".

Господин Юань промолчал, но Чи Нин каким-то чудом уловил его безмолвное одобрение.

Разложив в уме по полочкам будущую стезю к вершинам чинов, Чи Нин с чистой совестью укутался в одеяло и провалился в сон. Дорожная тряска изнурила его куда сильнее, чем казалось со стороны.

По правде говоря, помимо сытной трапезы, Чи Нин больше всего на свете любил спать.

В объятиях грёз можно было получить всё, чего пожелаешь.

Старый управляющий Чжайлао поначалу порывался надоумить хозяина хотя бы омыться с дороги — вдруг из дворца нежданно прибудет вестник с приказом явиться пред ясные очи? Но Чи Нин и бровью не повёл.

Он отправил во дворец два прошения с пожеланиями здоровья: первое — государю во дворец Недеяния, второе — вдовствующей императрице во дворец Милосердия и Долголетия. И не сомневался, что оба послания канут в небытие. Причины молчания царственных особ

разнились, но итог оставался неизменным.

Узнав от Господина Юаня истинную причину своего спешного возвращения в столицу, Чи Нин велел Чжайлао подготовить ещё и визитную карточку для отправки в поместье князя Цзина.

Ответят ему или нет — дело десятое, сейчас важнее всего было обозначить почтение.

Чи Нин вовсе не страшился того, что кто-то посмеет перехватить его доклады. Напротив, он боялся, что этого никто не сделает. Перед тем как окончательно погрузиться в забытие, он с беспокойством погладил зажатое в руках чёрное дерево:

"Как думаете, найдутся ли желающие придержать мои бумаги?"

Господин Юань не нуждался в даре прорицания, чтобы оценить, какой ужас наводило имя Чи Нина на дворцовую челядь. Он отозвался со всей уверенностью:

"Непременно найдутся".

События разворачивались в полном согласии с его чаяниями: во дворце сегодня о нём даже не вспомнили.

Выспался Чи Нин на славу. Он пропустил утро, полдень и время обеда, проснувшись лишь к предвечернему часу Буши, когда солнце уже клонилось к закату.

Растянувшись среди мягких шелковых подушек, юноша не спешил стряхивать остатки дрёмы, упиваясь сладостной пустотой в мыслях. Сонный Чи Нин с его темными, точно лакированными глазами и нежным румянцем на щеках являл собой пленительное зрелище. Даже обычно бледные губы налились пунцовым цветом. В этот миг он походил не на строгий монохромный набросок тушью, а на изысканную свиточную живопись гунби, где каждый штрих прописан с величайшим тщанием и сочностью красок.

Лишь когда взор его вновь обрёл прежнюю остроту, он лениво велел подать воду.

Настало время для купания, благовоний и переодевания.

Сделав глоток изысканного чая и отдавшись в нежные руки смазливых служанок, принявшихся разминать его уставшие плечи, Чи Нин ощутил, как к нему возвращаются силы.

Нега разлилась до самых костей.

Раскинувшись на изящной кушетке, он лениво поглаживал излюбленный брусок чёрного

дерева. Его взгляд скользил по убранству покоев, где каждая мелочь радовала взор совершенством форм, и губы сами собой расплылись в довольной улыбке.

— В гостях хорошо, а дома лучше, — вздохнул он блаженно. — Какая же благодать!

Служанка по имени Мучунь, скромно потупив взор, ласково улыбнулась:

— Нам тоже отрадно, когда господин дома.

Чи Нин питал слабость к подобным сладким речам и никогда не упускал случая ими насладиться. Переливчатые девичьи голоса, щебетавшие наперебой подобно весенним птицам, ласкали слух. И пусть он прекрасно понимал, что за этой угодливостью стоит лишь забота о куске хлеба, на душе всё равно становилось тепло.

Вдруг из-за дверной занавеси донёсся почтительный голос Чжайлао:

— Господин, к вам пожаловал господин Су из Академии Ханлинь.

Чи Нин мгновенно вспомнил, о ком идёт речь. Су Лу, носивший второе имя Чэньинь, занимал скромную должность Старшего историографа в Академии Ханлинь. Память у Чи Нина была отменная, лица и имена он запечатлевал в уме раз и навсегда — именно эта способность в своё время помогала ему уцелеть и возвыситься в коварных дворцовых лабиринтах.

Су Лу умудрился взять первенство на всех трёх ступенях государственных экзаменов года Цзихай, за что удостоился звания чжуаньюаня и чина Старшего историографа младшего шестого ранга. По долгу службы ему надлежало трудиться над летописями династии. Увы, судьба сыграла с ним злую шутку: стоило новоиспечённому императорскому воспитаннику переступить порог Академии, как на престол взошёл иной владыка. Обладатели второго и третьего мест — баньянь и таньхуа — быстро нашли себе покровителей благодаря связям и знатному происхождению. И лишь Су Лу, безродный сирота с непомерной гордыней, остался не у дел.

В итоге несчастного книжника сослали преподавать в Императорскую школу евнухов — Нэйшутан.

Это заведение основал некогда покойный император Тайцзун, дабы обучать грамоте малолетних слуг. Туда отбирали две-три сотни искалеченных мальчишек от семи до десяти лет. Под началом четверых учёных мужей из Ханлиня они постигали премудрости каллиграфии и словесности, надеясь со временем выбиться в люди при дворе.

Ни в одну прежнюю эпоху евнухам не позволялось учиться — подобное новшество прижилось лишь в нынешней династии.

Для таких мальчиков, как сам Чи Нин, попавших во дворец в нежном возрасте, Нэйшутан становился единственным мостом к новой жизни. За эту милость следовало молиться и благодарить небо.

Однако для высокородных учёных назначение туда наставником оборачивалось либо благом, либо проклятием. Те, кто искал связей во дворец, радовались этой доле. Маленькие ученики школы со временем неизбежно занимали видные посты в надзирательных палатах, и дружба с ними сулила немалые выгоды в будущем. Для тех же литераторов, кто презирал кастратов, сия повинность казалась невыносимым унижением.

Су Лу, к своему несчастью, принадлежал к числу последних. А недоброжелатели, желая посильнее уязвить гордеца, приложили все усилия, чтобы привязать его к постылой кафедре навечно.

Казалось бы, столь благородному мужу не пристало якшаться с Чи Нином, который терпеть не мог нравоучений и ценил лишь лесть.

Но пути судьбы неисповедимы.

Они не только свели Чи Нина с поверженным на самое дно Старшим историографом Су, но и позволили разглядеть его истинное лицо. Как выяснилось, Су Лу вовсе не питал отвращения к евнухам и проявлял поразительную мягкость в обращении с детьми. Его напускное уныние было лишь маской: покажи он завистникам, что доволен службой, те тут же лишили бы его возможности спокойно учить детей.

Чи Нин тогда немало подивился столь редкостной изворотливости ума.

Вскоре Старшему историографу Су довелось столкнуться с неприятностью, разрешить которую Чи Нину не стоило никакого труда. Он с лёгкостью протянул бедолаге руку помощи.

Чи Нин без лишней скромности признался учёному, что помог ему единственно ради его пригожего лица. Осанка благородного мужа, ясный взор, утончённость цветущей орхидеи — лучшего воплощения для образа триумфатора экзаменов было не сыскать.

Если говорить начистоту, падкий до всякой земной красоты Чи Нин просто-напросто возжелал наречь красавца своим названным сыном. Он и сам толком не ведал, откуда в его груди селилось это щемящее отцовское чувство, но привык потакать любым своим прихотям. Хочешь — бери.

— Стань моим послушным чадом, а уж батюшка расчистит для тебя любую тропу, — говаривал Чи Нин.

Примет ли собеседник его предложение или откажется — Чи Нину было неважно. Славу среди челяди он заслужил добрую: неволить никого не любил и мстить в случае отказа не собирался.

Но стоило ему уладить невзгоды Старшего историографа, как его самого лишили должностей и сослали в Цзянцзо коротать дни в безвестности. О молодом наставнике он больше и не вспоминал.

И надо же было такому случиться — Су Лу явился сам!

— Батюшка, — позвал гость.

Это обращение прозвучало на удивление легко и звонко, словно молодой учёный нисколько не стыдился признать своим отцом вчерашнего опального евнуха.

Чи Нин даже проникся к нему невольным уважением. С подобной хваткой и чутьём этот юноша со временем непременно пойдёт далеко.

Вдруг в сознании раздался голос Господина Юаня:

"Каково это — вновь обрести меня?"

Чи Нин не растерялся и мгновенно настроился на лад невидимого собеседника:

"Вы — моё небо и моя земля, три четверти всей моей жизни! То, что я отыскал вас вновь, — благословение небес и чистейшая радость, будто я обрёл давно утраченную опору!"

Льстивые речи Чи Нина текли рекой, плавно и убедительно. Любые банальности, срывавшиеся с его губ, волшебным образом обретали вес искреннего признания.

Господин Юань остался доволен и открыл истинную причину своего внезапного любопытства:

"Мне нужна пища".

Этот таинственный дух не принадлежал к роду человеческому. Сам себя он величал божеством, тогда как Чи Нин почитал его созданием иного порядка — существом, наделённым куда большей силой, нежели простые смертные.

Всякому живому существу требовалось насыщение, дабы поддерживать силы, и злой бог не являлся исключением. Вот только его излюбленная снедь была весьма необычной.

"Я питаюсь одержимостью", — ровным, лишённым всяких эмоций голосом пояснил Господин Юань. — "Видишь кровавый лепесток у ворота твоего названного сына? Это и есть Чжи — одержимость. Или, выражаясь понятным тебе языком, долг былой любви".

Чи Нин заметил это странное явление с первой же минуты, едва историограф переступил порог. Алый лепесток, точно сочащийся свежей кровью, застыл на бледной шее юноши. Зрелище было жуткое, однако ни сам Су Лу, ни прислуга не обращали на него ни малейшего внимания. В призраков и демонов Чи Нин не верил, но дешёвые повести любил, а потому признал причудливый знак:

"Неужто на нём висит персиковое проклятие?"

"Куда больше это походит на злой умысел — рукотворное Персиковое проклятие. Впрочем, забудь эти бредни, в подлунном мире нет места колдовству. И не будь суеверен", — недовольно проворчал Господин Юань, презиравший всякие гадания на костях и суждения о фэншуй.

Злой бог предостерегал человека от веры в сверхъестественное.

Чи Нин едва сдержал смешок: «И этот дух ещё учит меня разуму?»

<http://bllate.org/book/20385/2106515>